

РОССИЙСКИЙ АГРОПРОМ МОЖНО СКРЕСТИТЬ С ГЛОБАЛЬНЫМ

Алексей Иванов,
директор Института
права и развития
Высшей школы экономики
и Антимонопольного центра
БРИКС

Судьба
генетических
коллекций
российских
научных центров,
прежде всего
Всероссийского
института
растениеводства,
основу которых
зложил Николай
Вавилов, сегодня
напоминают
трагическую судьбу
самого великого
ученого

Российское сельское хозяйство крайне зависимо от иностранных средств производства. В семеноводстве в целом — на 40–60%, а, например, в сортах сахарной свеклы — и вовсе на 90–95%. А именно на средства производства (закупка семян, химии и пр.) приходится львиная доля добавленной стоимости, собственно сельхозпроизводство — относительно низкодоходный и рискованный бизнес.

На Федеральную программу развития сельского хозяйства до 2025 года, призванную снизить импортозависимость, выделено более 26 млрд руб., эффективность их расходования будет оцениваться по числу публикаций, зарегистрированных интеллектуальных прав и по выпуску новой продукции. Но можно ли сегодня измерять экономический эффект от государственных вложений в обозначенной логике?

Вопрос технологического развития — это не только и даже не столько вопрос финансирования, сколько вопрос интеграции научно-технических проектов в глобальные цепочки создания стоимости. У нас перед глазами — пример советской власти, которая, увы, в своей научно-технической политике не учитывала логику глобальной экономики. Мировой рынок продовольствия находится в состоянии жесткой олигополии. Торговля основными товарами (пшеница, соя, сахар и т. д.) контролируется четырьмя трейдерами: Cargill, Louis Dreyfus, Bunge и ADM. Волна корпоративных слияний и поглощений последних пяти–семи лет привела к тому, что четыре агротехнологические компании (DowDupont, Syngenta, Bayer+Monsanto и BASF) владеют более чем 80% мирового рынка генетического материала, агрохимии и цифровых решений. Трансформация агросектора тесно связана с построением цифровых платформ, пронизывающих глобальную экономику. Платформы Monsanto, к примеру, позволяют управлять процессами сельхозпроизводства и ведут к «уберизации» отрасли, де-факто превращают фермеров из предпринимателей в работников агротехнических корпораций. В Бразилии антимонопольная служба (CADE) уже возбудила дело о скрытой экономической концентрации (т. е. поглощении) компанией Monsanto порядка 4 тыс. хозяйств — с помощью жестких договоров и цифровых инструментов она привязала фермеров к своим пакетным решениям.

Олигополия — следствие усилий одновременно ведущих компаний и регуляторов ключевых юрисдикций. Особенно ярко она проявилась в семеноводстве. Исторически семенной материал был общим ресурсом. Фермеры сохраняли, пересаживали и перепродавали семена; обмен семенами был основным способом развития новых сортов и признаков растений. Но институт интеллектуальной собственности, который насаждал Запад, создал основу для возникновения глобального специализированного рынка семян после т. н. зеленой революции 1970–80-х годов. Развитие биотехнологий и геномной инженерии в 1990-х годах только закрепило ведущие позиции немногих компаний.

До недавнего времени объекты живой природы не могли быть обращены в собственность путем патентной охраны. Но в 2001 году верховный суд США окончательно постановил, что патенты на изобретения могут быть выданы на растения. К аналогичным выводам пришли и европейские регуляторы в середине 2000-х годов. Ключевое отличие патентной охраны от охраны селекционных достижений — в том, что патентная охрана позволяет запрещать любые формы использования запатентованного изобретения, а значит, фермеры не могут сохранять и пересевать урожай, выращенный из купленных семян. Яркий пример — решение верховного суда США от 2013 года по знаковому делу агропромышленного гиганта Monsanto против пожилого фермера из Индианы Хью Боумана. Он купил трансгенные соевые семена Roundup Ready, сохранил семена от первого урожая и посеял их. Monsanto подала иск о нарушении патентных прав, и после многих лет разбирательства суд подтвердил ее правоту. А американский регулятор признал, что фермер нарушил два патента компании Monsanto, поскольку «создал» копии генетически модифицированных, устойчивых к гербицидам семян соевых бобов. Патент на технологии Roundup и Roundup Ready истек в 2015 году, но Monsanto уже запатентовала аналогичное, по сути, решение — Genuity™ Roundup Ready 2 Yield, которое будет находиться под правовой охраной до конца следующего десятилетия.

Правительства многих развивающихся стран критически отнеслись к приватизации объектов живой природы через институты интеллектуальных прав, но инструменты торговой и инвестиционной политики, в том числе ВТО и соглашения о защите иностранных инвестиций, вынудили большинство развивающихся стран, включая Россию, пойти навстречу транснациональным компаниям.

Получив возможности патентной охраны, глобальные семенные компании стали агрессивно наращивать свою рыночную власть. Генетический материал, находившийся в свободном обращении и составлявший основу для селекционной работы, постепенно становился интеллектуальной собственностью небольшой группы компаний.

Федеральная антимонопольная служба России столкнулась с этой проблемой при анализе крупнейшей сделки в агросекторе — слияния Bayer и Monsanto, объединяющих новейшие технологии в области ускоренной селекции, важнейшие массивы больших данных, включая библиотеки генетических маркеров и исторические данные о климате, почвах и посевах, а также цифровые платформы точного земледелия. ФАС поставила условием сделки, что Bayer обязалась передать российским агротехнологическим компаниям некоторые решения в области современной селекции и цифрового земледелия. Координация этой работы возложена на Высшую школу экономики, она центр технологического трансфера.

Но главное в этом решении ФАС в том, что появится новая организационная модель управления технологическим развитием агропрома — модель, которая позволит увязать агротехнологическое развитие России с глобальными экономическими процессами.

Судьба генетических коллекций российских научных центров, прежде всего Всероссийского института растениеводства, основу которых заложил Николай Вавилов, сегодня напоминают трагическую судьбу самого великого ученого. Собрания мирового значения, дающие уникальные возможности для современной селекции, запечатаны в хранилищах — и в серой зоне правовой неопределенности. Технологии современной селекции — это прежде всего биоинформатика, работа с данными, с цифровыми ресурсами. Без полноценной оцифровки генетических коллекций их эффективное использование в современной селекции невозможно. А без однозначного правового статуса коллекций невозможна их полноценная интеграция в глобальные рынки, легальное привлечение инвестиционных ресурсов и предоставление сервисов.

Высшая школа экономики взяла на себя ответственность за ключевые аспекты вывода богатейших российских генетических коллекций «в свет». Предлагается, в частности, сформировать национальный фонд управления генетическими коллекциями; создать единую организационно-правовую систему оцифровки и коммерциализации коллекций; разработать цифровую экосистему ускоренной селекции на базе единого банка генетических признаков.

Генетические коллекции могут стать основой технологического и экономического рывка российского растениеводства — если волеются в глобальную экономическую и технологическую систему. Николай Вавилов наверняка желал бы именно такой судьбы своей коллекции.